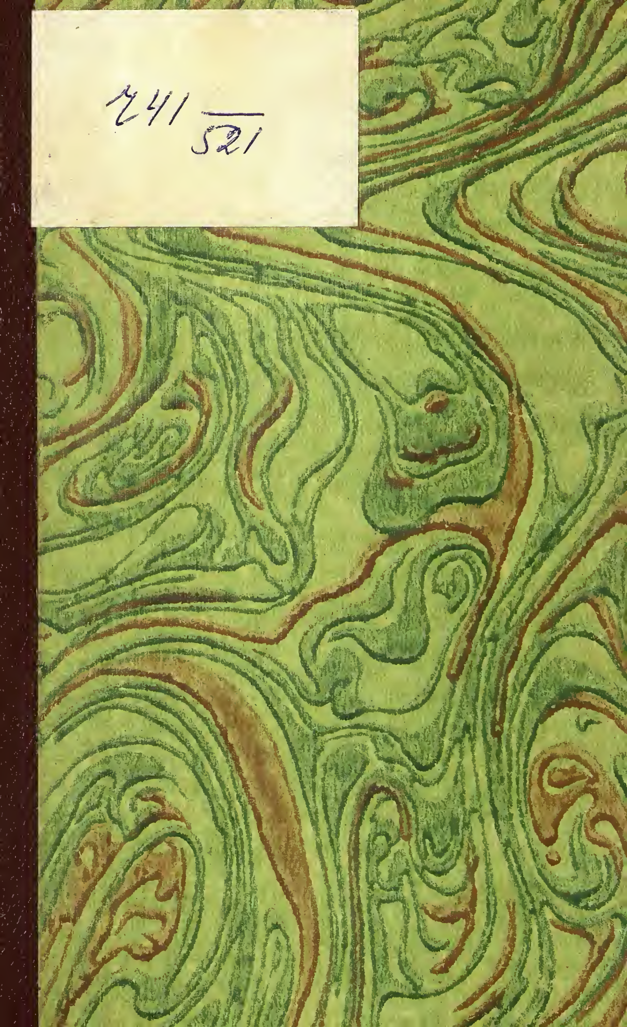

241 / 521

Комиссия по истории Октябр. революции и Р.К.П. (б)

ИЗ ПРОШЛОГО.

Первый сборник воспоминаний

КОЛЧАКОВЩИНА

(Оттиск из газ. „Искра“ № 91).

Г. КУНГУР
1922 г.

Оглавление:

Р. В. Ц. № 95. Тираж 500 экз. Кунгур, типограф. ред. газ. „Искра“ № 6

Прогулка по садам Колчаковского законодательства.

Нам попалось в руки несколько номеров белогвардейского (колчековского) „Кунгурского Вестника“.

Мы восстановим в памяти читателя некоторые оффициальные приказы (выдержки из них). Это—лучшая агитация против белогвардейщины, это—наглядная картинка белогвардейских стремлений к упразднению всех завоеваний революции. Эта картина была бы более полной, если бы мы имели полный комплект газеты. Но—что-ж делать—приходится довольствоваться несколькими номерами.

Уезд. воинский начальник—капитан Муханов об‘являет, что ответственность за неявку и укрывательство призванных возлагается на городские и сельские общества, которые должны давать за одного не явившегося или отлучившегося двух человек старших немобилизованных сроков из тех же населенных пунктов, и, кроме того, будет налагаться штраф. („Кунгур. Вестник“ № 17). Что такое круговая порука? Это недоверие к обществу. Предполагается, что все общество стоит дружно, крепко, за какое-нибудь лицо—в данном случае за дезертира и скрывает его. Когда это возможно? Тогда, когда общество не соответствует данной армии, не желает давать людей, не желает войны. Следовательно—все общество преступники, враги. Так оно и было при Колчаке, крестьяне скрывали дезертиров. Недальновидное его высокоблагородие проболталось, что в тылу белых ой-ой как неблагополучно. Но какой седой стариной веет от приказа брать вместо одного двоих. Во времена рекрутчины практиковалась замена одного одним, но брать двоих вместо одного да еще непризывных годов—этим белые показали, что идут дальше Николая Пьяного, дальше времен крепосничества.

Да, восстановление всего старого —вот идеал каждого белогвардейца. Помещикам—земли, фабрикантам—заводы, офицерам—погоны и ордена, трудящимся—плеть и комбинация из трех пальцев.

В № 17 „Кунгур. Вес.“ напечатан приказ начальн. кунгур. гарнизона—полковника Галилеева, где господам офицерам предполагается— „особенно обратить внимание на увольнение солдат со двора и на соблюдение правил отдания воинской чести“, „принять меры к тому, чтобы у всех солдат имелись погоны“. Не угодно-ли? Хочешь выйти из казармы—имей бляху, встретишь пьяного прапора с какой-нибудь мадамой —под козырек, генерала, страдающего подагрой—во фрунт!

Прямо таки поражаешься той быстроте, с какой белые мчались к восстановлению царских порядков. С места в карьер, следственная комиссия приказывает (в № 19 „К. В.“) „принимать на службу только тех лиц, которые представят удостоверения комиссии о политической благонадежности“. Вы, быть может, подумаете, что это единоличный шаг главаря кунгурской охранки—Сукало? Ошибаетесь. Это было введено в систему всего белогвардейского уклада. Комендант Кунгура, „демократический“ чешский капитан Блажек, тоже приказывает „учреждениям государственным и общественным составить списки служащих и представить их на утверждение коменданта горо-

да" („К. В." № 30). С какой целью „на утверждение"—каждому ясно. Где разница между колчаковщиной и романовщиной?

Аппетит приходит во время еды. Лавры николаевских жандармов не давали спать колчаковским защитникам „свободы собраний, демонстраций, слова. По повелению свыше нач. кунгур. гарнизона полковник Панков издает приказ: „Об'являю для сведения население г. Кунгура, что первого мая воспрещаю всякие митинги, демонстрации и красные флаги, а также и хождение с ними. Виновные в нарушении сего приказа будут преданы военно-полевому суду" („К. В." № 70). Николай Кровавый наверное, губки облизал на том свете, любуясь подвигами правителя Александра, так быстро взбирающегося на осиротелый царский трон. Вы только представьте—за красный флаг—расстрел!—ибо полевые суды если присуждают, то только к расстрелу. Виноват—бывали случаи,—и к повешению.

Это касается, главным образом, рабочих. А вот подарочек и для крестьян. Как известно, во времена военного коммунизма мы запрещали свободную торговлю хлебом, мы это не скрывали, говорили открыто, об'ясняли, что в этом (между прочим) был единственный путь к победе над врагами. Белые, наоборот, сулили целую кучу свобод, в том числе и полную свободу торговли хлебом. Этим они склонили почти всех богатых мужиков и даже некоторых бедняков. А потом, как добрались обманом к власти, преподнесли к хлеборобам такую пилюлю. Командир 3 Сиб. корпуса генерал Вержбитцкий пишет в приказе: „всякую скупку хлеба для вывоза, равно как и вывоз хлеба из пределов Кунгурского уезда, воспрещаю" („К. В." № 43). Виновных—предавать военному суду.

Это мы взяли из официальных приказов. А что делалось неофициально! Порки, аресты, мордобития, конфискации и пр. и пр. и пр. Конечно, такая политика восстановила против белых всех честных тружеников. Они ждали красных, всячески тормозили работу белых, вредили им, кто чем может. Наиболее сильные, смелые—боролись с оружием в руках, агитировали, наиболее слабые вели борьбу незаметную, маленькую, чинили вред белым по мере сил. Белые скрывали, что в тылу у них неладно, что их ненавидят, но, в конце концов, не выдержали, проговорились и все увидели, что на ихней „Шипке" не все спокойно. Начгар Кунгура—полк Панков издает приказ: „За последнее время стали часто наблюдатся случаи порчи телеграфных и телефонных проводов, очевидно людьми, стоящими на стороне большевиков и всячески старающихся навредить временному правительству" („К. В." № 57) Далее приказывается, конечно, виновных расстреливать на месте преступления. Население вело борьбу даже такими незначительными приемами, как порча проводов. Населением, ибо так и говориться: „часто наблюдаются случаи". Белогвардеец проболтался, и из этой болтовни можно заключить о настроении тыла.

Да и сторонниками большевиков белый тыл кишьмя кишел. Для борьбы, все краснеющим населением, была организована даже специальная следственная комиссия. Но „работала" эта комиссия повидимому, плохо, так как население, несмотря на неоднократные призывы в «К. В.», не желало доносить на сторонников сов. власти. Комиссия сама признается в этом в № 14 „К. В.", „общество инертно и равнодушно относится к делу раскрытия политической физиономии обвиняемых и в обнаружении

укрывающихся". Если сказать попроще, по нашему—по рабочему, то вышло бы, что рабочие и крестьяне не доносят и не желают доносить на сторонников сов. власти, т. к. сами сочувствуют ей (буржуазия—та, конечно, доносила во всю, но этого было мало). И вот, комиссия вздумала выпустить свои щупальцы, свои когти возможно шире и глубже, привлекая на эту шпионскую работу буржуазию и плетущихся с нею интеллигентиков (рабочие и крестьяне на такое поганое дело не пойдут). Комиссия приказывает ряду организаций выделить представителей в следственную комиссию. Те рады стараться Гор. самоуправление шлет К. А. Плоскирева, земское—Е. Е. Бурандасова, 3 Сиб. корпус—подпор. Н. Г. Вандаяка, судебное ведомство—В. А. Воскресенского, духовенство—отца К. Словцева, местный гарнизон пор. Сукало («К. В.» № 14). Теплая кампания! Одни доносят, Воскресенский и христианский социалист Сабодаш допрашивают арестованных по всем правилам царского крючкотворства, все вместе выносят приговор, Сукало приводит в исполнение, а отец Константин, должно быть, молится за души грешников, отправляемых им самим в геену огненную.

Мы исчерпали все те номера „Кунгурского Весника", которые попали нам в руки. Закончим нашу прогулку по ветвистым садам белогвардейщины выдержкой из приказа генер. Гайды, опубликован. в № 83 «К. В.» «Оффициальные донесения и жалобы обиженных и пострадавших указывают, что самочинные расправы, порки, расстрелы и даже карательные экспедиции, чинимые представителями власти, не прекращаются». К этому нечего прибавить. Эти строки дают краткую, но яркую картину житья при белых. Ужасы колчаковщины приняли столь громадный характер, что их не мог замолчать даже такой европейски воспитанный палач, как Гайда. Расправы, порки, расстрелы, карательные экспедиции—это для рабочих и крестьян. Земли, фабрики, ордена, притоны—это для них, сторонников Колчака. Просто, как яйцо. Два мира. Два лагеря. Черная и белая кость Два непримиримых врага. Чего проще? К чему затушевывать это основное различие?

И когда трудящиеся всего мира поймут это различие, эту непримиримость интересов—земной шар вступит в новую эпоху своего существования.

Это будет при социализме.

А. Береговой.

Они в Кунгуре.

22 декабря. День морозный, солнечный. Тишина. Все по домам. Красные власти покинули город, белые еще не пришли.

Жутко... Где-то начинается ружейная и пулеметная стрельба. По тракту около ж. д. отступают красноармейские части. Орудийная канонада. Пронесся гул, зазвенели стекла в рамах—это взрывают ж.-д. мост через Ирень с целью задержки наступления белых. По Никольской улице промчался последний отряд красных всадников. Гордо развевается красное знамя. Затем—полуторачасовая тишина. На той же Никольск. ул. появился белогвардейский офицер верхом на лошади. Крупные домовладельцы приветствуют эту первую ласточку белых, вывешивая трехцветные флаги. Затем—благодарственный молебен с хлебом и солью. Буржуа целуют золотопогонников.

На другой день сов. власть об'яв-

ляется низвергнутой. Комендантом назначен чехо-словацкий офицер Смрачко. Вечером—новый приказ, запрещающий хождение по улицам позднее 11 час., извещающий, что в Кунгуре создается следственная комиссия, а гражданам приказывается анонимно доносить на оставшихся коммунистов и сочувствующих совет. власти.

После приказа начинается травля рабочих. На рабочих „натыкали". По простым анонимках бросали в каменный мешок. Через неделю в двух тюрьмах сидело уже до 500 рабочих и красноармейцев. Многих прикололи прямо штыками (Половников, Никулин, Раевский и др.), выведя за с. Филипповское, на гору, других расстреливали. Условия заключенных были ужасны. В день выдавали только ½ ф. хлеба и 2 стакана воды. Кто просил прибавить—давали 25 горячих. В одиночных камерах сидело по 10 и более человек.

Среди рабочих пошло недовольство. Собираются, толкуют. В ответ появился новый приказ Смрачко, запрещающий собираться более, как 3 чел. Материальное положение рабочих было неважно. Хотя на рынке и было все, что угодно, но заработной платы не хватало для того, чтобы жить более или менее сносно. Вскоре стало наблюдаться недовольство и среди солдат. Они получали по 1 ф. ржаного хлеба, но такого, что его нередко приходилось разрубать топором.

„Подвиги" белых, разочарования в проповедуемых ими идеалов, тяжелое положение рабочих, агитация сторонников сов. власти сделали свое дело. Белые быстро разлагались, превратились в гниль, а как только Красная армия серьезно колупнула это гнилое придавившее рабочих бревно, так оно рассыпалось неожиданно быстро для самого себя.

30 июня в Кунгуре вновь стал развеваться красный стяг.

С. Красный.

„Демократы".

Колчаковцы об'явили себя демократами, друзьями свободы и пр. и пр. Некоторые сначала было и верили их сказкам, но скоро убедились, что всякие разговоры о свободе—мыльные пузыри. Приведу несколько фактов, пришедших мне на память, характеризующих этих защитников «свободы, равенства и братства».

Вступление белых в Кунгур ознаменовалось многочисленными арестами, конфискациями имуществ, порками, расстрелами и пр.

Вот вваливается в квартиру Ощепкова пьяный офицер со сворой, делает обыск, направляется к сундуку, и, что поценнее забрал себе. У семьи эвакуировавшегося старичка Соснина производился обыск; офицер увидел на ногах у хозяина дома новые валенки, он приказывает их снять и уносит с собой. Вот вам и неприкосновенность частной собственности.

Членов семей эвакуировавшихся не принимали на работу. Вот вам свобода труда.

Следственная комиссия арестовывала по анонимкам направо и налево. Жертвой такой анонимки явились Санталов и др. граждане. Вот вам и обещания беспристрастного, всестороннего судебного расследования каждого преступления.

Помню ночь с 4 по 5 января. По ул. Гребнева 3 офицера и около 15 солдат производят повальные обыски. Под'езжают к дому № 33. Обитатели дома спят. Стук в ворота, несколько выстрелов и они врываются в квар-

тиры Ушакова и Коротаева. Бегая и размахивая наганами, офицеры перерыли всю квартиру, все разбросав по полу. Не понравившиеся книжки изорваны. Затем банда удаляется, производя для устрашения выстрел во дворе. Они направились к Нарсееву. У него обнаруживают записную книжку с тремя вырванными листками. И вот по подозрению (что было написано на вырванных листках?) его бросают в тюрьму, в которой он и томится до прихода красной армии. Вот вам неприкосновенность личности и жилища.

Вместо свободы печати мы увидели свободу лжи. Газеты только то и делали, что выдумывали небылицы о сов. России, про Ленина, Троцкого, про восстания и пр.

Братство? Вот оно. Однажды по дороге лесом на вокзал попадается мне навстречу чех, курит я подхожу: „товарищ, дайте покурить!“ Он мне такого „товарища“ задал, что я сажени три считал пеньки.

Я мог бы привести много фактов их «демократизма», да они известны каждому кунгуряку, уши которого незавешаны золотом.

С. Красный.

Из Кунгурского подполья.

Колчаковщина быстро излечила меня от эсеровских бредней. Я познакомился с несколькими коммунистами и сочувствующими им и сам, после долгих бесед, сделался коммунистом. Мы организовали группу сочувствующих РКП.

Самой большой работой группы следует считать издание рукописной газеты «Луч Социализма» (по инициативе моей и Алеши Вешнякова). На каждый № прикладывается печать группы, сделанная Васей Вешняковым. Первый № вышел 23 марта в количестве 10 экземпляров. Затем тираж все поднимался и последние №№ выходили уже в количестве 50 экземпляров (всего выпущено 25 номеров. Газета распространялась (расклеивалась) преимущественно среди солдат, в казармах (Елизаветинская дача, где стоял 72 пехотный полк, в котором служил старшим унтер-офицером Алеша Вешняков), а также и среди населения (городской сад и пр.). Первые номера вышли рукописные, а затем я стал ходить к секретарю Филлиповской управы, и, под видом обучения, печатал газету на пишущей машинке. Бумагу брали из полковой канцелярии. В газете писали, преимущественно, о разнице между офицером и и красным командиром, о белой и красной армиях, о положении на фронтах, о колчаковском правительстве и его мероприятиях и пр. Сведения узнавали от офицеров (оперативные сводки через Чажева) и из большевистских газет, которые я привозил из Перми. В газете сотрудничали: Петров (псевдоним Чистопольский), Вася Вешняков (Подпольный—ныне в Томске), Алеша Вешняков (убит в 1921 году под Перекопом), офицер Вася Чажев, Серг. Смородинов (в Пятигорске), Серг. Лупенский (в Сибири в кр. армии), Вася Минеев, (депо ст. Кунгур), Федя Рязанов (Орточека ст. Кунгур), Марк Малько, (Петроград), Карпинский (неизвестно где).

Приведу два примера нашей работы по распространению „Луча Социализма“. В Вознесенье обычно на кладбище ходит много народу. Группа решила воспользоваться этим и поручила раскидать очередной номер мне и Подпольному. Мы раскидали еще до скопления публики. Собра-

ется народ, с жадностью и опаской прочитывает. После обедни смотрю— идет рота солдат. Офицер „пронзительно" вглядывается в гуляющих, желая отыскать виновника Очевидно, власти здорово перетрусили, потому что в тот же день город был об'явлен на военном положении.

Незадолго до эвакуации белых из Кунгура мы разбросали газету в гор. саду, где была облава на дезертиров. Арестовали очень много. Это нервировало публику. На нашу газету набросились, читали наши призывы поднять дубину на гайдовские войска и пр. Здорово взволновались все. Город и власти ждали восстания. Ночью были массовые аресты. Мы должны были быть арестованы, но нас предупредили, мы скрылись в лес около 56 раз'езда, где занимались вплоть до прихода красной армии порчей телеграфной линии.

У нас в группе было проведено некоторое разделение труда. Работа среди рабочих депо была поручена В. Вешнякову. Он вел ее очень удачно, агитировал, расклеивал, привозимые из Перми Петровым, прокламации, расклеивал „Луч Социализма", а также портил паравозы--работа трудная, серьезная, очень опасная. Незадолго до эвакуациии Васе удалось даже один паровоз спустить с рельс, чем задержал движение воинских грузов (это было во время панического отступления колчаковской армии). Среди службы пути работал С. Смородинов, среди кондукторов—Малько, замечательный агитатор, не раз „донимавший" многих, погрязших в житейские дела, кондукторов до слез. Я работал среди материальной службы, а также и в городе. А. Вешников—среди солдат 72 полка, среди конных частей. Офицер В. Чажев, по мере сил деморализовал офицерство. *Чистопольский.*

Как они заботились о раненых.

Между Кунгуром и Осой идут сильные бои (декабрь 1918-январь 1919). Лазареты переполнены. Крестьян замучили подводами. Больных и раненых беспрерывно подвозят к кунгурским лазаретам, затем переправляют, ввиду переполнения, дальше, в Екатеринбург.

Раненые и больные солдаты полуодеты, обморозили руки и ноги, раненые офицеры одеты тепло. Мороз—35—40 градусов. Пленным раненым красноармейцам помощь оказывается в последнюю очередь, их ругали, особенно таким отношением к ним отличался врач М. в хирургическом отделении. Многие красноармейцы не дождались помощи—умерли.

Как-то получается распоряжение приготовиться к приему новой партии в 200—300 ч. Опять распоряжение о разгрузке лазаретов. Ловят попавшихся подводчиков, направляют в лазареты, перевозят на вокзал для отправки в Екатеринбург. „Скорей, скорей, а то на поезд запоздаете"—кричит и топает ногами смотритель. Повезли. Нечем прикрыть голые ноги раненых. Сердобольные мужички дают тулупы. Приехали на вокзал, а поезд пойдет еще нескоро. Заносим больных и раненых в вокзал, кладем прямо на холодный голый каменный пол, без всякой подстилки. Сестры просят ж.-д. администрацию—давайте скорое вагоны. После долгой канители дали худые, нетопленные, нар и печек нет. Пьяный комендант говорит: сделаем. Тюфяки дали только офицерам, а полураздетых солдатиков положили почти на голый пол закуржевленных вагонов. Стонут бедные: „сестричка, холодно, пусть скорей отправляют". Кое-кое как, на-

конец, поплелся наш поезд. Паровоз неисправен, еле доплелись до взорванного Шумковского моста. Перегрузка, через реку перевозят на лошадях, новые мучения, и уж на ст. Шумково солдаты попадают в санитарный поезд.

Впоследствии всю эту процедуру приходилось проделывать часто: только вернешься в Кунгур, поработаешь несколько дней в лазарете опять везешь в Шумково раненых.

Вот как заботились белогвардейцы о своих же рядовых солдатах. Конечно, благодаря такому отношению у них росло недовольство. Белые сами же себе рыли пропасть, в которую вскоре и свалились навсегда.

З. Семовских.

Белый террор в Ясыле.

В 1918 г. группа активных революционеров Покрово-Ясыльской вол., во главе с Костей Балахниным из д. Богомоловой предложила ликвидировать вол. земскую управу. Кулачье за это подвергло Костю избиению. Костя не пал духом, обратился за поддержкой в Кунгур, получив оттуда оружие. Затем организовался совет. Кулачье стало подкапываться под совет, распространяло гнусные слухи, запугивало население.

Между тем приближались белые банды. При их вступлении в церкви протоиереем Андриановским был отслужен благодарственный молебен. На бедняков обрушились порки, нагайки, расстрелы. В одной только Покрово-Ясыльской вол. подверглось истязанию 47 чел., 17 ч. отправлены в тюрьму. В д. Богомоловой расстреляны: Колесников Вас. Моисеев, Богомолов Ал-др Кирилов, Бормотов Ал-др Алексеев, несколько человек увезено в Сибирь, и вести о них нет до сего времени. В д. Зеленкиной расстреляны: Белышев Ст. Никандр., Ключиков Денис Прок., Костя Спирин, многие отправлены в Сибирь и также пропали без вести. По приказу коменданта—Стерляжникова у семей коммунистов и добровольцев отбиралось имущество и скот. Напр., у моего отца в д. Зеленкиной за то, что я коммунист, увели последнюю лошадь, а семья—12 чел.

2 июля 1919 г. П.-Ясыл освободился от белых. Я организовал вол. ревком и сельревкомы. Население было в восторге. Белым слали проклятия, выражалось недовольство, покинувшим свое „стадо", духовенством.

С. Баданцев.

Воспоминания Елтышева.

Жарко пришлось в конце 1918 и в начале 1919 г. нашим товарищам, сочувствующим сов. власти, под колчаковским игом. Эвакуировавшийся Рождественский волисполком (председат. Уткин, члены Елтышев, Новоселов, секретарь Хмелев, военком Дулепинских) застрял в з. Курашим, Пермск. у. и попал в плен. Препроводили в Рождественск, к белогвардейскому коменданту. Старшиной был местный кулак Тютрюмов. Этот ненавистник сов. власти приказал своим дружинникам, во главе которых стоял Я. Завьялов, запереть их под замок и намеревался учинить свою расправу. Но комендант запретил самосуд, велел собрать сход по два представителя с о-ва. Сход решил Новоселова и Дулепинских расстрелять (приговор привели в исполнение), а остальных передали на суд граждан

ских властей, переведя всех в Кунгурскую тюрьму. Из тюрьмы Хмелева направили в колчаковскую армию, откуда он при первой возможности перебежал к красным. Уткина и Елтышева оправдали, выпустили, но Тютрюмов их вновь арестовал и вновь отправил в тюрьму. Семьи арестованных избивались, истязались и были под конец направлены в подводы без смены. Всех, кого маломальски подозревали в сочувствии красным, Тютрюмов и нач. дружины Карпов арестовывали и направляли в тюрьму.

Белый террор гулял по волостям во всю. Жутко было сидеть в тюрьме, каждую ночь кого-нибудь уводят в застенок, пытают, расстреливают, каждую ночь жди своей очереди. Наконец, мы дождались своей избавительницы, Красной армии. Уткин и я бежали из тюрьмы. Двое из нас—Хмелев и я—и по сие время работаем на благо трудового народа, занимая ответств. сов. посты, а Уткин изменил, живет себе дома, уклонился от работы, должно быть, не помнит всех издевательств белых.

Елтышев.

В плену у Колчака.

Я мало был на свободе в дни колчаковщины. Но и эти немногие дни навсегда врезались в память. Уже на второй день вступления генерал Вержбицкий издал приказ о повальных обысках и вылавливаниях совработников. На каждом углу появились шпики военно-полевого контроля и следственной комиссии. Шпики арестовывали прохожих по указанию контр-революцион ных элементов и бросали в тюрьму. Порки, расстрелы, расправы свирепствовали во всю. Более недели на берегу Сылвы валялись 5 трупов расстрелянных: грибушинского кучера, садовника и др. Порки происходили в домах (Полетаев и др.), в гостинном дворе (Брызгалов)—про арестованных уже не говорю. Буржуазия, где-то скрывавшаяся, вылезла и первым делом занялась доносами.

5 января я уже сидел в загородной тюрьме. Камеры и коридоры были полны арестованными, не было прохода на лестнице. Меня поместили в камеру № 12, она была полна крестьянами из пригородных волостей. Арестованные почти все были уже перепороты, кто получил 100, а некоторые, даже, 250 ударов. Затем привели арестованных из Медянки, Орды, Шляпников. Их пороли не только по телу, но и по лицу. По рассказам прибывших (в большинстве военруков и комбедчиков) в их волостях творилось что-то ужасное, расстреливали десятками.

Во время моего пребывания в загородной тюрьме было расстреляно 20 ч. (Тимшин, М. Бормотов, И. И. Мельников, Ковин, Петров и др.). О жизни в тюрьме и говорить нечего – ужаснее ничего нельзя представить. Целые дни сидели под замком, парами пахли, на прогулки не вы-

пускали. Двери камеры отворялись только тогда, когда администрация приходила снимать с заключенных шубы, валенки и пр., оставляя нас в одном спальном белье. Так я просидел месяца два. Другие заключенные сидели месяца по три без всяких допросов. Приходили Вандаяк и Сукало и пытали, (плетями) желая пытками добиться— „коммунист ли ты“. После 2-х месячного моего пребывания пошли допросы—кого таскали в следственную комиссию, кого допрашивали в тюрьме. Меня допрашивал 4 раза некто Арефьев в тюрьме: обвиняли в службе в качестве предзавкома, и члена РКП. В феврале при 25 градусном морозе, меня, вместе с другими заключенными, в одном нижнем белье, перевели в нагорную тюрьму. Тюрьма была совсем не топлена. Режим здесь был еще более строг, к окнам нельзя было подойти—угрожали стрелять. Но в скоре, после ссоры с членом следственной комиссии офицером Мухановым, меня вновь перевели в загородную тюрьму, в одиночку. Всю ночь я ждал грозного: „Выходи!“ На другой день ко мне садят другого. Поговорил—убедился, что это шпик. Конечно, он от меня ничего не добился. Тогда нас переводят в общую, я предупредил т.т., что это шпик. Посидел он зря недели три-- и его убрали. Впоследствии мы установили, что это действительно, был шпик из карательного отдела. Так жили мы, под ежедневными угрозами пыток и расстрела, до 27 июля.

В ночь на 28, час. в 11 вечера, нас всех выгнали во двор отсчитали, после переклички 371 чел. переданы конвою и повели в Сибирь, по Гороблагодатскому тракту. Конвой—усиленный—с пулеметом. Выйдя из города, мы повели агитацию за разоружение конвоя и за набег. В группу сговорившихся попал какой-то шпик, и, недоходя 5 верст до Березовки, выдал наш заговор, крикнув конвою: „берегитесь, конвоиры, вас хотят разоружить!“ Так перед самым осуществлением, наша попытка освобождения провалилась. Конвой стал охранять еще строже. Нас связывали руку за руку, опутывали веревками группами по 5 человек, и вели таким образом до самой Кушвы. В день делали по 45 верст. Все таки семерым т. т. удалось сделать единоличные побеги. В Кушве нас, 364 ч., поместили в шести вагонах—теснота была необычайная, негде было лежать, вагоны снаружи были запломбированы, люки закрыты, в вагоне невыносимая жара и духота. Почти все были без рубашек. Конвой часто бил нас. В Тюмени разделили нас на две партии, одну, в которой был я, повели в каторжную тюрьму. Там сидели эвакуированные бе-

лыми арестованные Чердынские и Усольские товарищи. Т.т. рассказывали, что их везли по 90—100 ч. в вагоне, во время посадки в вагоны их заталкивали, как снопы в овин, в дороге тут-же, на глазах, в вагоне было расстреляно 85 ч.—вот ужас то был. В нашей камере в тюменской тюрьме с кубатурою в 60 саж. сидело 40 ч. Воды давали только 4 ведра в сутки—для питья и для умывания, и по 1 ф. хлеба, да и того попадало меньше, т. к. ножики мы не имели право иметь и ломали хлеб руками. Во время раздачи хлеба и воды бывали драки—до того люди изголодались. В июле нас стали отправлять дальше, отобрали у нас положительно все, даже табак. Погрузили в баржу—1380 арестованных. Здесь с тюменцами, в числе 12 челов., мы организовали заговор по разоружению конвоя. Подговорили других—всего знало о нашем заговоре 120 ч. Но и здесь оказался провокатор. Тогда мы решили бежать, 12 ч. На другой день сошлись на корме, один из нас крикнул "ура!," мы обезоружили конвой, открыли стрельбу—но убили только 12 конвоиров, т. к. вспешке неправильно расоределили патроны: винтовки и японские, и русские. Нечего делать—кинулись в воду, по нам открыли стрельбу. Не знаю, сколько было убито, но я видел перед собой 2 трупа убитых товарищей. Плохо помню, как я выплыл к берегу, помню, только, кругом свистали пули. Пустился бежать. По дороге тянулись беженцы, пришлось скрываться в болоте 9 суток. Встретил второго бежавшего тов., он был наг, т. к., вылезая из реки, попал на якорь и оставил на нем всю одежду. Питались зеленью. Встретили одного австрийца, также скрывавшегося от Колчака, он дал нам по куску хлеба и направил в одну деревню, где мы и прожили до прихода Красной Армии. 10 августа я встретился с т. Галкиным (ныне уполномоченный Г. П. У. в Кунгуре), который и дал мне разрешение на проезд до Кунгура.

В. Вепрев.

На станции Кунгур.

В последние дни эвакуации белых на станции Кунгур царствовал полный хаос. Тут и там видны взволнованные лица. Крики, тяжелая русская ругань, плачь детей, гудки паровозов, все переплелось, смешалось. Нет никакого намека на порядок. Отправление поездов производилось без всяких планов. Высшее начальство и крупные буржуа покупали и занимали целые комфортабельные поезда, составленные исключител но из классных вагонов и отправлялись вне всякой очереди; рядовое же офицерство, солдаты, беженцы, эвакуированные учре-

ждения, погружались, как попало в товарные вагоны и морились на станции по несколько дней.

На неоднократные вопросы „когда же нас отправят?“ следовал один и тот же ответ—«очередь не дошла» и изнервничавшиеся люди покорно ждали этой «очереди», наблюдая, как формировались все новые поезда из классных вагонов, как в них что-то поспешно грузили, и как, не менее поспешно, они исчезали со станции.

В настроении эшелонов, ожидающих «очереди», чувствовалась сгущенность атмосферы, которая и разрядилась 27/VI. Привычная, охотная к различным погромам публика обратила свое благосклонное внимание на железно-дорожные склады. Быстро организовалась шайка солдат, к ним пристали еще какие-то подозрительные личности и вся эта компания занялась «разгрузкой» кожевенных складов. Как только пронесся слух о хищении складов, из всех эшелонов повысыпали их обитатели без различия пола, возраста, нации и социального положения, всем захотелось даром приобрести, что возможно. Через несколько минут вокруг складов происходили обычные при погромах омерзительные сцены: кляньчание слабых у более сильных, драки, ругань, намеренное уни тожение товара и т. д. Увещевание более благоразумных не помогало: кожи и фабрикаты кож тащились без всяких нужд целыми кипами. Из-за одной пары сапог разбивались целые ящики, хотя вокруг их были целые горы, сапоги брались, а остальные разбрасывались и подбирались жадными, хищническима руками, специально прибывшими на погром, городскими подонками. Остановить погром удалось лишь при применении огнестрельного оружия.

Сибиряк.

Разное.

Кын. Белыми повешено и расстреляно 53 ч. Казненные перед расправой подвергались пыткам.

Таз. Белыми расстреляно 3, в том числе один питерский рабочий.

Черный Яр. Перепорото 250 ч. Белые солдаты насиловали жен красноармейцев. У населения, под видом обмена, выманили керенки и ничего не заплатили. Налоги взыскивались за пять лет вперед.

Шамары. Расстрелян 1, увезено в Сибирь 5, порото 2, арестовывалось временно 3.

Урмы. Казнено 2: женщина и старообрядческий монах, организовывавший в 1918 г. коммуну. Временно (от 2 дней до 2 мес.) арестовывалось 20 ч. Сторожиху исполкома гнали в декабре босиком 15 верст.

Асов. Расстреляно 20, временно (от 5 д до 7 мес.) арестовывалось 44, увезено в Сибирь около 10, порото 4.

Перед расстрелами резали уши, вырезали ремни из спин.

Троельга. На первом, после белых, волс'езде советов из 50 депутатов 48 было порото белыми.

Кунгур. Белыми расстрелян кучер земотдела только за то, что возил комиссаров, и старый газетчик, торговавший газетами несколько лет, за то, что вместе с другими продавал и большевистские газеты.

Кунгур. В заседании гор. думы 19 июня выносились верноподданнические чувства Колчаку. Не голосовал только один гласный А. Д. Носков.

Кунгур. Белые вскоре по занятии Кунгура вырыли из братской могилы на Красной площади трупы, павших на дутовском и колчаковском фронте, и свезли за город, где и свалили в кучу.

Кунгур. Ж.-д. мост через Ирень взорван 29 июня. Иренский проезжий железный мост взорван 30 июня. Деревянный мост через Сылву был облит керосином, во время перестрелки подожжен. Пожар потушен, выбежавшими после перестрелки, жителями. Паром и лодки в день отступления белыми изрублены и потоплены.

Банкеты и нищенство.

В то время, как местными патронессами устраивались великолепные банкеты в честь «славных освободителей» и генералов Гайды и др. солдаты этих освободителей ходили под окнами с протянутой рукой прося «хоть кусочек хлеба».

Белые и просвещение.

Они об'виняли красных в уничтожении культуры. А красные перед самой эвакуацией соединили два музея—городской и педагогический, но к сожалению, открыть его не успели. Перед эвакуацией все музейное имущество было сложено в б. квартиру начальницы гимназии Брюгген. Пришли белые. Брюгген в'ехала в квартиру. И первые слова этой культурной баронессы были:

— Уберите этот музейный хлам из моей квартиры.

И музей, этот лучший рассадник просвещения, был заключен в сартаковскую кожевню, где все имущество, драгоценные коллекции лежали в куче до возвращения красных, портясь от сырости и тяжелого воздуха (от кож). Сов. власть в первые же дни своего возвращения отвела под музей особый двухэтажный дом.

„Мелочи“.

(В последний день).

Слухи и печать.

В последнюю неделю по городу носились упорные слухи, что у Кунгура красным будет дан грандиозный бой, что белые перейдут в наступление,—якобы для этого роют окопы, блиндажи, обносят город несколькими рядами колючей проволоки, устанавливается ряд батарэй. Бур-

жуазная газета не только не опровергала этих слухов, но, наоборот, до последняго дня уверяла граждан, что красные далеко и городу не угрожает никакой опасности. Несмотря на «гарантию», мирные жители метались в паническом ужасе, с лихорадочной поспешностью зарывали в землю свое имущество, приготовляли себе места в подвалах и погребах, на случай артиллерийской перестрелки.

Паника и рынок.

Растерявшиеся спекулянты наскоро устраивали дешевые распродажи своих запасов. Цены на продукты значптельно упали: например, пятипудовый мешок крупчатки стоил—500 руб., породистая молочная корова—1500—2000 руб.

Военные трофеи.

В последний день армия отступавших белых занималась попутной «ликвидацией» заводов (Пономарева, Гордон), разламывая машины, расхищая, что нужно и не нужно, для того, чтобы тут-же все побросать.

Неподчинение.

Не удовлетворяясь разгромом заводов, солдатами белой армии устраивались набеги на квартиры мирных жителей, нередко попадались навстречу воза, нагруженные награбленным имуществом, с сидящими на них солдатами, разодетых в женские кофточки и шляпки. Вмешательство некоторых честных офицеров ничего не достигало, их осыпали насмешками и площадной руганью и даже угрозами.

„Магазин на лафетах".

На батарее, расположенной около летняго сада, идет оживленная торговля. На хоботах орудии, на лафетах, колесах симметрично развешены товары: мануфактура, коврики, платья, кофты, шляпки, туалетные вещички и т. д.

—Вам что прикажите?-спрашивает один.

—Сюды, почтенный! Большой выбор!

За крепость ручаемся!, надрывается другой.

Эй тетка, прибавь полтинник, все равно лучше нигде не купишь! Что?! на том орудии дешевле!? дура! да, ведь товар то какой—гнилой, ведь, из Щербаковского магазина у них взят то, а ведь у нас Пономаревское добро, ты понимай!

—Шляпки не угодно ли, последняя мода, крик роскоши!

И так до первого выстрела до первого крика—«красные»!

Разрушение мостов на Карасьем озере.

Белогвардейцы, озлобленные неудачами, гранатами пытались разрушить мостики Карасьева озера, устроенные гражданами, для полоскания белья. Гранаты не взорвались.

Памятник воздвиг себе...

Один солдат - белогвардеец во время разгрома завода Гордон забрал монометр от локомобиля и после тщетных попыток продать его кому—нибудь укрепил таковой на фонарном столбе вместо фонаря.

В. Сибиряк.

Издания Кунгурского испарта, Пермской губ.

1. Семовских. «Н. А. Гребнев» биограф. набросок.
2. Семовских. „Кунгур в 1917—1918 г." (3 марта 1917 г. ст. ст.—21 дек. 1918 г. н. ст.), Материалы к летописи. Вып. 1 (3—13 мар. 1917 г.)
3. Тоже, вып. 2 (14—29 мар. 1917 г.).

